

И

ИВАНОВ Аркадий Иванович [9.9.1931, г. Ворошилов (ныне Уссурийск) Приморского края] – прозаик.

Родился в семье железнодорожников. В 1935 Ивановы переехали в Амурскую обл., в г. Куйбышевку-Восточную (ныне Белогорск). Родителей И. лишился рано – в возрасте двенадцати лет. Воспитывался сначала у бабушки, а затем, в последние годы войны, у своей тётки в Благовещенске, где она жила в районе судоверфи.

После семилетки И. с 1947 по 1951 учился в Хабаровской школе военных техников ж.-д. транспорта. Затем заочно окончил (1968) Хабаровский ин-т инженеров ж.-д. транспорта.

Работал на должностях, связанных с движением поездов, – от рядового работника до командира смены на крупной узловой станции. В теч. пятнадцати лет был начальником самой длинной в нашей стране Малой Забайкальской ж.д. (ныне она называется Свободненской детской ж.д.). Отличник народного образования.

Первый свой рассказ И. опубликовал в 1957 в газете «Амурский железнодорожник». Сюжеты его ранних рассказов – это жизнь и труд работников стальных магистралей.

Работу над приключенческой повестью для детей «Тайна архиерейской дачи» И. начал в 1982. В её основу легли воспоминания автора о жизни в Благовещенске в годы войны. Главные герои повести – подростки Антон и Лёнька – случайно обнаруживают в подвалах бывшей архиерейской дачи тайники с оружием и рацией и начинают самостоятельно слежку за японским шпионом. Основное действие разворачивается в сентябре 1945 – во время начала военных действий Красной армии против японских войск за Амуром. Антон и Лёнька, преследуя шпиона, тайком проникают на баржу и переправляются с нашими войсками на другой берег, в китайский Сахалин (Хэйхэ), где их встречают опасные приключения. В конце концов всё завершается благополучно, и ребята даже удостоиваются похвалы советского военного начальника. Реальные прототипы героев – это сам автор и его школьный друг Эдик, по смешному совпадению тоже Иванов. Эдуард Михайлович Иванов свою дальнейшую жизнь посвятил службе в военной разведке, в настоящее время он – профессор Российского института стратегических исследований, живёт в Москве и изредка приезжает в гости к старому другу. Что касается архиерейской дачи, то её деревянных строений не сохранилось, осталось лишь одно каменное здание на территории судостроительного завода им. Октябрьской революции (бывшей судоверфи).

Первая публикация книги «Тайна архиерейской дачи» (1995) была посвящена пятидесятилетию Победы

над фашистской Германией и империалистической Японией. Повесть вызвала большой интерес у читателей-школьников.

В 2010 в Благовещенске вышло новое издание книги, куда, помимо повести, вошло 11 рассказов, написанных И. в разные годы. Наиболее интересны те, сюжеты которых взяты из воспоминаний военных и послевоенных лет («Ой, Днепр, Днепр...», «Вот она, вот она...», «Сталинская реформа»), а также из жизни железнодорожников («Любовь», «Дорога к дому», «Наскальный бюст “отца народов”»).

С 1959 И. живёт в городе Свободном Амурской обл.

Соч.: Тайна архиерейской дачи: Повесть, рассказы. Благовещенск: Изд. комп. «РИО», 2010. 192 с.; Печальный конец генеральской любви: Рассказ // Приамурье – 2012: Лит.-худож. альманах. Благовещенск: Амур. обл. обществ. писат. орг.; Изд. комп. «РИО», 2012. С. 403–406.

Ф.М. Михайлов

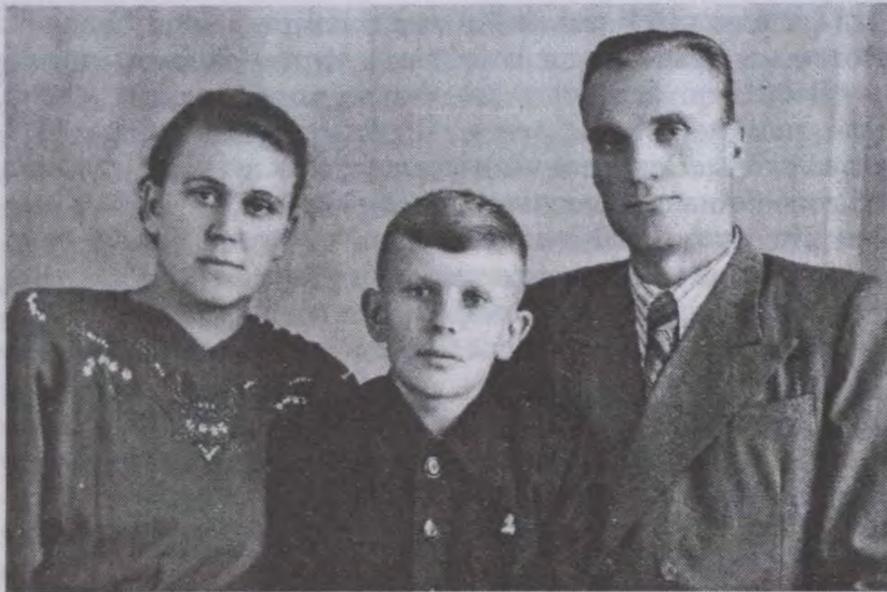
ИГНАТЕНКО Игорь Данилович [4.5.1943, с. Ромны Ромненского р-на Амурской обл.] – поэт, прозаик, журналист, член Союза писателей России (с 1991), председатель правления Амурской обл. обществ. писат. организации (1996–2013), лауреат Амурской премии в области литературы и искусства (1995, 2010).

Судьба И. интересна уже тем, что вобрала в себя всё то, через что прошло большинство людей его поколения: трудное военное и послевоенное детство, учёба в школе и вузе, комсомол, спорт, армия, настоящая мужская дружба, любовь, семья, дети, а позже и внуки, обретения и утраты, духовные и творческие искания, вера в светлые идеалы и горькие разочарования... Но, может быть, в ещё большей степени биография И. примечательна тем, что пришлась на эпоху грандиозных разломов рубежа XX–XXI вв., на пору глобальных деформаций

идеологических и духовно-нравственных основ, всего уклада русской жизни. Не отрекаясь от того подлинно ценного, что вместила в себя советская эпоха, он не цеплялся за отжившую идеологическую догматику. И при этом не спешил вливаться в хор задним умом прозревших «разоблачителей», не облачался в тогу беспристрастного судьи века, с которым была неразрывно связана большая часть его жизни. «Уходит век. / Простись с ним. / И прости» («Уходит век») – так поэт выразил своё отношение к полному противоречий, одновременно трагическому и героическому столетию. В период, когда размылся ценностный фундамент общества, И. сумел сохранить устойчивую систему духовно-нравственных и социально-исторических координат, о чём и свидетельствует его творчество. Его поэзия и проза – это органичный сплав русскости и советскости, синтез наиболее близких национальному духу ценностей, в числе которых потребность в высоких идеалах, справедливость, совесть, милосердие, коллективизм, память, любовь к родине, мир, труд, семья: «Всему мерило чёрный хлеб и труд, / А не гордыня, вправленная в злато. / Да будет мир! / Да будет детям Завтра! / И распрям всем – / Да будет Божий суд!» («Междоусобица»).

Как рассказывает сам И., его детские, отроческие и ранние юношеские годы можно разделить на три части. Первая – жизнь в таёжном амурском с. Ромны, от рождения и вплоть до 4-го класса школы. Эти годы были заполнены радостью познания окружающего мира, прежде всего природного: «Это было когда-то, / Много вёсен назад. / Я нырял в Кочковатом, / Распугав лягушат. / Бултыхался на Гребле, / Рвал на пойме щавель / И любил эту землю, / Как свою колыбель...» («Кирпичный завод»). Следующие два года прошли в Хабаровске, где отец И. учился в краевой совпартшколе. На эту пору приходится увлечения фотоделом, греблей и авиамодельным спортом. Пять завершающих школьных лет прош-

Игорь Игнатенко с родителями. 1954 г.

Бег с барьерами. Впереди – Игорь Игнатенко.

ли в центре амурского земледелия – Тамбовке. Именно здесь произошло то, что определило дальнейшую судьбу И.: на чердаке дома школьного товарища Анатолия Дробязкина ребята нашли несколько сборников Есенина: «Радуница», «Голубень», «Преображение», «Сельский часослов», «Берёзовый ситец», «Исповедь хулигана»... Об этом случае рассказывает автобиографич. герой рассказа И. «Вечерний разговор о невозвратном» (2006): «Как потом Толик узнал, книжки отец из детдомовской библиотеки притащил домой»; «Там приготовились их сжечь по списку запрещённой литературы... Стали читать стихи там же, на чердаке... На фоне школьной хрестоматийной тяготины будто из другого мира услышали голос...». Знакомство с Есениным «потрясло на всю оставшуюся жизнь, словно в нас ударил разряд грозовой молнии», – так много лет спустя передавал свои детские впечатления И. Произошло настоящее чудо – пробуждение творческого духа. Творческая искра, родившая амурского поэта, возникла от соприкосновения с тем светом, который излучает поэтическое слово Есенина. Там, на чердаке, читая Есенина и сам того не сознавая, юный И. впервые ощутил его таинственное воздействие. Много позже он признавался: «Не знаю я молитвы ни одной, / Помимо этой: “Господи, помилуй!”» («На поле Куликовом»). Это, однако, не помешало ему понять, что подлинная поэзия должна изнутри освещаться лучами внутреннего солнца (выражение И.А. Ильина) – то есть излучаемого Творцом и отражаемого художником небесного сияния. Наряду с Памятью, Свет – важнейшая категория в творчестве И. Книгу своей прозы он назвал «Свет памяти», а в стихотворении «Памяти Игоря Ерёмкина» определил миссию поэта, как «служенье добру и свету». Не является случайностью и то, что открывающий книжку «Ровесница» сонет «Начало жизни – давний, смутный сон...», в котором передаются самые первые жизненные ощущения, поэт завершает терцетом «Но помню и теперь, с вершины лет, / Как мне в глаза пролился белый свет, / Согретый материнской теплотою».

Влияние семьи, матери прежде всего, стало ещё одним значимым фактором, предопределившим судьбу И. Позже он вспоминал: «В доме царил культ книги... Вслед за родителями я читал запоем, многого ещё не понимая, книжки Толстого и Шекспира, Пушкина и Лермонтова, Драйзера и Некрасова, Кольцова... Мама укрепила меня в мысли, что литературное творчество – одно из самых лучших дел на свете». Свою сыновнюю благодарность и трепетную любовь к рано ушедшей матери И. выразил в венке сонетов «Ровесница» (1982).

А дальше были истфил БГПИ (1959–1964) – там, по его словам, он «набирался ума-разума под руководством прекрасных педагогов А. Лосева, Б. Лебедева, А. Чешева, Е. Сычевского, В. Брысиной»; служба в армии (1964–1965); работа на Амурском радио и телевидении – в т.ч. в качестве редактора и ведущего популярных программ «Юность Амура», «Солдатский час», «Творчество», «Клуб книголюбов», «Стезя»; работа в газетах «Амурская правда», «Авангард», «Кадры – селу», «За пед. кадры», корреспондентом на строительстве БАМа. Многочисл. поездки по Приамурью, Дальнему Востоку и Советскому Союзу подарили яркие впечатления, нашедшие отражение в творчестве.

Молодой И. серьёзно занимался спортом, являлся многократным чемпионом и рекордсменом Амурской области и Хабаровского края по лёгкой атлетике, чемпионом Дальнего Востока в десятиборье. Спорт для него не просто увлечение, а сама жизнь в её наиболее ярком и динамичном проявлении. Отсюда – частые в его лирике уподобления одного другому: «Жизнь – бесконечный стадион» («Сердца звон»), «...жизнь не финиш – это вечный старт» («Эстафета»), «Сфальшивить в боксе – значит проиграть. / Вот так и в жизни: бьют нас и толкают, / Из ритма выпал – и уже нокаут, / И есть кому до десяти считать» («На ринге») и т.д. Спорту посвящена повесть «Бег по кругу» (1991), прототипами которой стали друзья и знакомые по спортивной молодости автора.

Семь лет (1977–1984) И. возглавлял обл. литобъединение «Приамурье». Был организатором и руководителем обл. совещаний молодых литераторов, давших путёвку в большую литературу не одному десятку поэтов и прозаиков. Самому ему посчастливилось побывать на VII Всесоюзном совещании молодых писателей (Москва, 1979), где он занимался в семинаре известного критика и литературоведа Александра Михайлова. В 1991 И. стал членом Союза писателей России, а в 1996 был избран предс. правления Амурской обл. обществ. писательской организации и секретарём Правления Союза писателей России. Возглавляя обл. писательскую организацию в теч. 17 лет, он не только сохранил её в непростое время, но и, опираясь на заложенные основателями организации традиции, сумел задать ей новый импульс и найти новые сферы приложения творческих сил. Укрепились культурные связи литераторов с соседним Китаем, изыскивались средства на издание книг амурских писателей, в новом, более объёмном и привлекательном формате регулярно выходил альманах «Приамурье», выпускался альманах юных литераторов «Росток», проводились ежегодные творческие семинары для школьников обл. Проявив качества мудрого и терпеливого наставника, И. взрастил целую плеяду авторов (Е. Бутова, А. Прокопьева, С. Руденко, В. Садовенко, Я. Туров и др.), за которыми будущее амурской литературы.

Как поэт он заявил о себе ещё в студенческие годы, публикуя стихи в институтской многотиражке «За пед. кадры» и обл. газетах, выступая на встречах с читателями в молодёжных аудиториях. Позже печатался во многих региональных и центральных газетах, журналах, альманахах, коллективных сборниках. С 1982 по 2013 И. выпустил около 20 книг стихов и прозы: «Сентябрины» (1982), «Годовые кольца» (1987), «Пора плодов» (1990), «Гнездовья» (1993), «Прощай...» (1995), «В ритме дыхания» (1997), «Прикосновение» (2000), «Багульник» (2003), «Помните и верьте» (2005), «Свет памяти» (2006), «Простые ритмы» (2008), «Усталый путник» (2010) и др.

В мае 2012 вышел трёхтомник его избранных произведений – итог более чем полувековой творческой судьбы. «Избранное» даёт сравнительно полное и объёмное представление о нём как художнике слова. Второй том составили имеющие автобиографич. основу и тематически связанные с лирикой рассказы и повести: «За хлебом», «По мокрому

шоссе», «Вечерний разговор о невозвратном», «Что было, то было», «Бег по кругу», «Один год рядового с институтским дипломом» и др. Большинство из них обращены к прошлому автора. В прозе И. предстают образы друзей школьных лет, спортивной юности, однако частные случаи и отдельные судьбы вписываются в контекст эпохи. И.-прозаик силён в описаниях природы, в «лирических» отступлениях, в авторских монологах, в прорисовке деталей, в сценах, где главную роль играет эмоциональность.

В третий, самый объёмный том вошли публицистич. и литературно-критич. статьи, очерки, рецензии, воспоминания, в которых запечатлены наиболее значительные события лит. жизни Приамурья, нарисована целая галерея портретов амурских писателей, деятелей культуры, спорта.

Но самый важный том – первый, в него автор включил лирику, в т.ч. стихи для детей, поэму «Годовые кольца» (1985–1989), переводы с китайского – всего 367 стихотворений из примерно двух тысяч, созданных им. В поэтический том вошло всё лучшее, наиболее дорогое для И., представляющее разные грани и периоды его творчества.

Раздел «Сердцебиение» составили тематические блоки, посвящённые основным этапам и событиям личной судьбы автора. Ключевые темы и мотивы раздела – Амурский край, его природа и люди, физическое и нравственное становление человека, успехи и преодоления, радости и невзгоды, красота и любовь. Особо следует выделить стихи, отражающие детские и юношеские впечатления, занятия спортом, любовные переживания. Ранние стихи до краёв наполнены восторгом, упоением юностью, в них не растроченная «свежесть, буйство глаз и половодье чувств».

Тема родной природы находит высшее своё воплощение в разделе «Месяцеслов». Пейзажная лирика И. – это яркая, многокрасочная, одухотворённая палитра, это открытие растворённой в мире гармонии. Воспевая природу Приамурья, её красоту и совершенство, И. постигает и общее устройство мира, начинает ощущать свою органическую с ним связь.

Раздел «Багульник» (его содержание составил одноимённый сборник 2003 г.), включающий стихи для детей, заслуживает особого внимания. При чтении этих произведений возникает чувство, что писались они не о детях вообще и адресовались не абстрактным малолетним читателям, а вполне конкретным – своим собственным детям и внукам. Может быть, поэтому и получились такими искренними, светлыми, добрыми, искрящимися озорным юмором. И именно поэтому, как это ни парадоксально, могут быть интересны не только детям, но и взрослым.

Особая страница творчества И. – стихи о Великой Отечественной, составившие сборник «Помните и верьте» (2005). Через 60 лет после Победы он сумел сказать о ней новое слово. Он не был на войне – поздно родился, но зато видел собственными глазами её последствия: хлебнувших лиха бывших фронтовиков («Бомбёжка»), калек («Самовар»), выставку трофейной немецкой техники («Сражение в Сокольниках»). Война убила, покалечила, угнала в плен родных ему людей («Рабы не мы»). Стихи И. о Великой Отечественной – из лучших в его творчестве. Секрет их пронзительной силы – в выведенных героях: непридуманных, неповторимых, живых: «Замшелый, словно пень, Василий Крошко / Слово промолвил звонкое: “Бомбёжка!” / Они горячий самогон с отцом / Плеснули в чарки с этим вот словом. / “А было так, – припомнил дед Василий, – / Нас “Юнкеры” под Киевом месили. / Забился в щель я, словно мышь в нору, / И думал: не убьют, так сам помру...”» («Бомбёжка»). Правдивость, подлинность историй, человеческих судеб, характеров, подлинность психологии и речи героев произведений о войне – главная причина творческого успеха автора.

У него есть стихи, в которых ощутимо присутствие морализаторства, публицистичности. Одно из них – «Баллада о лосиных рогах», в которой автор страстно обличает сановников за жестокие «барские» забавы, а их угодливых подчинённых – за холопство. Видимо, в данном сюжетно-тематическом и жанровом контексте открытое выражение гражданской позиции, суровые моральные оценки эстетически оправданы. «Когда высокий долгожданный гость, / Желая экзотической охоты, / Вздвигает вертолёты, вездеходы, / Во мне вскипает,

Игорь Игнатенко – ведущий радиопрограммы «Стезя». 1996 г.

словно наледь, злость! / Да не к нему, а к свите пробивной, – / Всяк спину льстиво гнёт перед вельможей, / Ну, только что не выскочит из кожи / С душонкою ничтожной, продувной...». Хотя, возможно, в отдельных случаях поэт заслуживает упреков и за немотивированный дидактизм, и за показное раздражение, которое изливает на некоторые важнейшие атрибуты современной цивилизации: «Набросит паутину-Интернет / На наши уши и на наши души...» («Мобильник»); «Мобильники кандалами сковывают руки прохожих» («Urbis») и т.д.

В стихах И. обнаруживается удивительная особенность: в юности и ранней молодости он живёт настоящим и одновременно устремлён в будущее, полон счастливых ожиданий, в зрелые же годы, напротив, мыслями и чувствами всё чаще возвращается вспять, в прошлое – и своё собственное, и историческое. В ранний период творчества он ощущал себя прочно укоренённым прежде всего на взрастившей его амурской почве: «Родная приамурская земля, / Какие ветры над тобой шумели, / Гремели грозы и мели метели! / Раскину руки и скажу: “Моя!”» («Я сын полей»). Ему не казались тогда тесными родные места, пространство Приамурья. И время, которое молодой поэт внутренне переживал, было то же самое, которое отбивали куранты главной кремлёвской башни и отмеряли циферблаты часов его современников. «Нелёгко путь, но ветер века, / Он в наши дует паруса», – так это мироощущение человека советской эпохи выразил в поэме «За далью – даль» (1950–1960) Твардовский, ещё один близкий И. художник. В зрелой лирике, по-прежнему испытывая острую привязанность к малой родине и современности, И. всё чаще осознаёт свою принадлежность России, Универсуму и Истории. Если прежде центром его поэтического космоса были места, где прошли детство и юность – Ромны, Тамбовка, Гильчин, Чергали, Хохлатское, Благовещенск, то теперь этим центром становится страна – Русь, Россия. И ощущает он себя не только амурцем, но и русичем. Он перестаёт ассоциировать себя только с современностью, свободно передвигаясь по шкале исторического времени и по волнам своей памяти. Теперь поэт – в равной мере современник и строителей БАМа, и бойцов Красной Армии времён Великой Отечественной, и воинов дружины князя Игоря, и ополченцев времён Минина и Пожарского: «Я тоже Игорь, Ингвар, скандинав, / Я тыщу лет на сече был кровавой, / И я на смерть давно имею право, / От вероломства всех князей устав...» («Междоусобица»). Обострённое переживание за Русь, которая с давних пор и доньше не может преодолеть «плен и мрак поражения и разора», которую по-прежнему «терзает враг» («Князь Игорь Новгород-Северский») – одно из самых стойких переживаний позднего И. Обращение к истории для него – это, в том числе, обращение к своей прапамяти, к тому, что на генном уровне передалось от далёких предков. То есть это и познание себя. И поэт способен ужаснуться догадке, что в нём и его современниках всё ещё живы зоологические инстинкты пращуров: «Я откопал на огороде / осколок камня – им когда-то / скоблил мой предок шкуру зверя – / пришёлся камень по

руке; / и осенило – вот награда, / а может статья и расплата, / за то, что мало в чём различен / я с ним, аборигеном, / жившим в своём далёком далеке...» («Находка»).

Русь в стихах И. – не просто территория или общность проживающих на ней народов, не просто государство со всеми его институтами, это ещё и феномен национальный, духовный, мистический. Но прежде всего – исторический. В поэте пробуждается чувство древности русской (и амурской, в том числе) земли, хранившаяся в глубинах его сознания и подсознания историческая память.

Первый том «Избранного» открывают зрелые тексты, составившие самый большой раздел книги – «Времена». В нём И. выстраивает свою собств. систему исторических координат. Среди событий, которые привлекают его внимание, поход князя Игоря, Куликовская битва, освоение Приамурья, Сталинградское сражение, битва за Берлин, строительство БАМа, Зейской и Бурейской ГЭС, августовский путч 1991-го... Этому ретроспективно развёрнутому событийному ряду соответствуют персонажи: Игорь Новгород-Северский, московский князь Дмитрий, Иоанн IV, Пушкин, Поярков, Муравьев-Амурский, Невельской, Иннокентий Вениаминов... К известным именам можно добавить имена простых людей, тоже реальных, но не попавших в скрижали истории: переживший лютую бомбёжку ветеран войны Василий Крошко, дядя поэта Иван, пропавший в немецком плену, двоюродный дядя Иван Игнатенко, мичман торпедного катера, кавалер медали Нахимова, тётя Елена, дважды сбегавшая из плена...

Своеобразный пролог поэтического тома – стихотворение «Археологи». Автор соединяет в этом произведении свою собственную судьбу с общей судьбой народа, Приамурье с Россией, настоящее с прошлым, время с вечностью, землю с небом... Заданная смысловая парадигма проявляет себя уже в заглавии, актуализирующем ключевое для понимания эстетической программы И. слово. Археологи – это те, кто по отдельным сохранившимся предметам и даже их небольшим фрагментам воссоздаёт, реконструирует общую картину исторического прошлого: «Черепки от разбитой посуды / Так сумеете соединить, / Что протянется из ниоткуда / Воссозданий связующих нить». И не только археолог, но и лирический субъект стихотворения И. – та самая пушкинская «времён связующая нить», средоточие всех пространственно-временных и человеческих скреп, пересечений и связей.

Лирика И. является своеобразной художественной археологией, цель и смысл которой – победа над тлением, распадом, забвением, смертью. Поэтическое слово становится для автора тем магическим кристаллом, который даёт возможность увидеть, воссоздать, оживить то, что, казалось, навсегда исчезло с лика Земли: ««Здесь когда-то стоял у Амура / Древний пращур, суровый, как Бог. / Исподлобья, с таёжным прищуром, / Озирал он великий поток. // Что мерещилось предку? / Что мнилось? / У струящейся в вечность воды / Беглой строчкою что приоткрылось, / И упрятало, стёрло следы? // Плыли зори. / Клубились туманы. / Сыпал звёзды ночной небосвод... // Затерявшихся лет караваны / Продолжают к нам трудный поход...»

Художественный идеал, к которому стремится И. – **воскрешение словом**, творчество, которое сродни чудотвор-

ству. Автор «Августа» в данном абзаце процитирован потому, что слишком явственно приведённые выше строчки «Археологов» перекликаются с последней строфой «Гефсиманского сада», которым Пастернак завершает «Тетрадь Юрия Живаго»: «Я в гроб сойду и в третий день восстану, / И, как сплавляют по реке плоты, / Ко мне на суд, как баржи каравана, / Столетия поплывут из темноты». «Затерявшихся лет караваны» в стихотворении И. плывут на суд не только к археологам, но и к художнику слова, поэту.

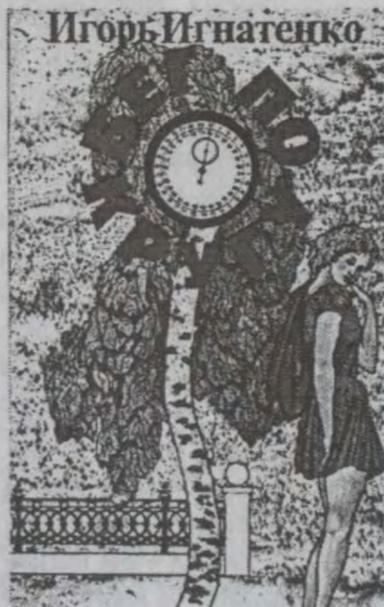
О миссии поэта, о смысле творчества, о своих ближайших собратях по ремеслу, ушедших и здравствующих – И. Ерёмине, Б. Машуке, О. Маслове и других, И. размышляет много: этой теме он посвятил целый ряд произведений: «Памяти Игоря Ерёмина», «Николаю Лошманову», «Maestro», «Памяти Бориса Машука», «Вы слышите меня, друзья?», «Круг друзей» и др. Главная сквозная мысль всех этих произведений сводится к простой формуле: творчество – это поединок со смертью: «Значит, я обречён только верить и ждать... / Жить в заветных твореньях и не умирать» («Неведомое»).

Если перечитать стихи И. в хронологическом порядке, можно заметить, что ритмико-интонационный строй его лирики меняется, и что это изменение имеет определённую направленность. И дело тут, очевидно, в том, что ритмы и интонации, неотделимы от мироощущения, которое на протяжении жизни не может оставаться неизменным.

Направленность мировоззренческой и эстетической эволюции И. в самом общем виде выглядит так: от социального и возрастного оптимизма, от в какой-то степени идиллических представлений о жизни, от восторга перед открывающимся миром, от фиксации внешних сторон жизненных и природных феноменов, от простого логического и образного отражения увиденного – к постижению драматизма бытия, к обретению способности проникать во внутреннюю сущность явлений, прозревать в сиюминутном и конкретном вечное и универсальное, к постижению сокровенных тайн бытия. А кроме того, к осознанию, что не всё можно выразить в прямой понятийной и даже образной форме. Похоже, здесь не обошлось без влияния Лермонтова. Частное проявление этого влияния – появление в стихах И. глубинных, подтекстных смыслов и глубинной же, внутренней мелодики, играющей не прикладную, сугубо формальную, а самостоятельную содержательно-смысловую роль. Именно этим, судя по всему, объясняется смена ритмико-интонационного рисунка в поздний период творчества. Впрочем, это выразил и сам поэт в стихотворении «Звуки»: «Есть стихи – им слов не надо – / Ритмы пульса по ночам, / Наказанье и награда, / Век бы слушал и молчал».

Поздняя лирика И. – это не оптимизм и пафос, а раздумья о смысле бытия, о хлебе насущном, что так тяжело достаётся человеку. Не столько категоричное утверждение, основанное на уверенности в обладании истиной, сколько поиск ответов на вопросы, в том числе неразрешимые. От риторики и одической тональности поэт всё более склоняется к элегической, от злободневной публицистичности и пресловутой «актуальности» – к философскому размышлению, к думе. В стихотворении «Читая “Слово о полку Игореве”» настроение, которое всё чаще овладевает поэтом, нашло поистине афористичное воплощение: «Посмотри, / Подумай, / Помолчи...». Сознательно или нет, но автор здесь апеллирует к Тютчеву, к его знаменитому стихотворению «Silentium!».

Возраст лирического героя поздних стихов И. – возраст зрелости, житейской и философской мудрости. А это, в свою очередь, не может не вести к поиску соответствующей художественной формы, в том числе жанровой. На смену, условно говоря, одам, гимнам, сатирам приходят неканонические жанры, восходящие к фольклору или, чаще, к христианской традиции: воззвание, заклинание, заговор, плач, похвала, притча, молитва... Исповедальность, особая, доверительно-сдержанная интонация, прозрачная ясность мысли и чувства, подчёркнутая простота стиля – таковы самые выразительные черты лирики И. Обращает на себя внимание также склонность автора, с одной стороны, к юмору и особенно иронии, с другой, к высокому слогу, к словам, которые многими современниками воспринимаются как архаика – и не только лексическая, но и понятийная: стяги, стезя, честь, взыскует...

И. создал свой собственный, во многом неповторимый художественный мир. Его лирика занимает место в одном ряду с лучшими произведениями признанных амурских поэтов.

Соч.: Сентябрины: Стихи. Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1982. 32 с.; Годовые кольца: Стихи. Благовещенск: Амурское отд. Хабар. кн. изд-ва, 1987. 48 с.; Пора плодов: Стихи. Благовещенск: РИО Амурпрополиграфиздата, 1990. 88 с.; Бег по кругу: Повесть. Благовещенск: РИО, 1991. 160 с.; Гнездовья: Стихи. Благовещенск: [Б.и.], 1993. 38 с.; Прощай...: Стихи. Благовещенск: Изд-во «Амурская правда», 1995. 88 с.; В ритме дыхания: Стихи. Благовещенск: РИО «Амурская правда», 1997. 72 с.; Ровесница: Венок сонетов (Амурская поэтическая серия «Крохотка»). Благовещенск: [Б.и.], 2000. 15 с.; Прикосновение: Книга-хроника стихотворений 1956–2000. Благовещенск: [Б.и.], 2000. 64 с.; Есть деревенька на земле: Лирические воспоминания // Амур: Лит.-худож. альманах. № 1. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2002. С. 4–8; После распределения: Рассказ // Амур: Лит.-худож. альманах. № 2. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 6–11; Багульник: Стихи для детей. Благовещенск: Изд. комп. РИО, 2003. 24 с.; Избранное. Благовещенск: [Б.и.], 2003. 284 с.; Новые стихи. Стихи из цикла «Помните и верьте» // Амур: Лит.-худож. альманах. № 4. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. С. 3–7; Помните и верьте: Стихи к 60-летию Победы. Благовещенск: Изд. комп. РИО, 2005. 48 с.; Свет памяти: Рассказы и повести. Благовещенск: Изд. комп. РИО, 2006. 392 с.; Простые ритмы: Стихи. Благовещенск: [Б.и.], 2008. 112 с.; Липовый цвет. О дворниках и рыбалке. Междоусобица. Князь Игорь Новгород-Северский. На поле Куликовом: Стихи // Амур: Лит. альманах БГПУ. № 7. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 5–7; «Вселенная – во мне, а не во мне...»: Стихи // Приамурье – 2008: Лит.-худож. альманах. № 8 (26). Благовещенск: Амур. обл. общ. писат. орг.; Изд. компания «РИО», 2008. С. 126–142; Urbis. Встреча с Тамбовкой. Неведомое. Голубиная верность. Пусть лют мороз, в теплынь купели... Январская элегия: Стихи. Литературные байки // Амур: Лит. альманах БГПУ. № 8. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. С. 11–13; 106–116; Усталый путник: Стихи. Благовещенск: РИО, 2010. 80 с.; Альма-матер: Стихи к 80-летию БГПУ // Амур: Лит. альманах БГПУ. № 9. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. С. 3; Что было, то было: Рассказ. Стихи // Приамурье – 2010: Лит.-худож. альманах. № 9 (27). Благовещенск: Амур. обл. общ. писат. орг.; Изд. компания «РИО», 2010. С. 120–136; Избранное: В 3 т. Благовещенск: Зея, 2012. Т. 1: Стихотворения. Поэма. 472 с.; Т. 2: Рассказы. Повести. 512 с.; Т. 3: Воспоминания. Очерки. Статьи. Рецензии. 544 с.; «Слова в конце строки...»: Стихи // Приамурье – 2012: Лит.-худож. альманах. № 10 (28). Благовещенск: Амур. обл. общ. писат. орг.; Изд. компания «РИО», 2012. С. 113–126.

Лит.: Федотов Ст. «И помоги всему живому...» // Амурская правда. 1987. 26 июня; Федотов Ст. Довольно ждать поводыря // Амурская правда. 1993. 7 мая; Маслов О. Прощай и здравствуй! // Амурская правда. 1995. 25 нояб.; Георгиевский Н. Упругий шаг лирической строки: Об Игоре Игнатенко // Амур: Лит.-худ. альманах. № 4. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. С. 47–56; Георгиевский Н. Проза поэта: фрагменты былого // Свет памяти: Рассказы и повести. Благовещенск: Изд. комп. РИО, 2006. С. 5–10; Урманов А.В. Служенье добру и свету... // Игнатенко И.Д. Избранное: В 3 т. Благовещенск: Зея, 2012. Т. 1. С. 5–16; Урманов А. В. «Жить в заветных твореньях...» (Жизненная и творческая стезя Игоря Игнатенко) // Лосевские чтения – 2012: Материалы рег. науч.-практ. конф. / Под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. С. 95–110; Кондрахина Т.В. Быть поэтом – это судьба: О творчестве И.Д. Игнатенко // Лосевские чтения – 2012: Материалы рег. науч.-практ. конф. / Под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. С. 211–221; Читая книги Игоря Игнатенко // Игнатенко И.Д. Избранное. Т. 3: Воспоминания. Очерки. Статьи. Рецензии. Благовещенск: Зея, 2012. С. 473–540.

А.В. Урманов

ИГНАТОВИЧ Людвиг Витольдович [?] – автор стихотворений, фельетонов, театральных рецензий, заметок, печатавшихся в газете «Амурский листок» в нач. 1910-х.

Потомств. дворянин. В 1901–1902 жил в Иркутске, хорошо знал театральную жизнь города, о чём можно судить по его рецензиям в разделе «Театр и музыка».

Чиновник управления по постройке средней части Амурской ж.д. (в 1911 – конторщик канцелярии начальника работ; в 1912–1914 – помощник правителя дел). В 1914 выехал в Петербург с целью поступить на службу в одну из кинематографических фирм. С объявлением войны призван в качестве офицера на военную службу. В апр. 1915 находился «на передовых позициях». В Благовещенске от него получено письмо, в котором автор сообщил, что жив и здоров, хотя и участвовал в нескольких сражениях (Амурское эхо. 1915. №51. 8 апр. Раздел «Хроника»).

Сотрудник газеты «Амурский листок» (1910 и др.), автор стихотворений, театральных рецензий, фельетонов и т.д. Подписывал свои материалы как подлинным именем (Л. Игнатович, Л.В. Игнатович), так и псевд.: Эльвич, Эльвич Энский, Эльвич-Энский.

В «Амурском листке» опубликованы следующие стихотворения И.: «Юности» (1910. №707. 9 окт.); «О, времена» (1910. №708. 10 окт.) – в обоих случаях за подписью Эльвич;

«На смерть Толстого» (1910. №732. 9 нояб.) – за подписью Л. Игнатович; «Мираж...» (1910. №734. 11 нояб.) – за подписью Л.В. Игнатович. Здесь же напечатаны: фельетон в стихах «Славно жить в Благовещенске» (1911. №845. 1 апр.); статья «Город Алексеевск» (1911. №850. 7 апр.); фельетон «Мой пасхальный рассказ (через тридцать лет)» (1911. №851. 10 апр.) и др. материалы, в т.ч. многочисл. рецензии в рубрике «Театр и музыка».

А.В. Урманов

ИЛЮШИН Владимир Владимирович [14.6.1960, с. Новоалександровка Тамбовского р-на Амурской обл. – 11.4.2001, г. Хабаровск] – прозаик, член Союза писателей России (с 1990), лауреат премии им. В. Шукшина (1991). Писал для амурских и хабаровских газет («Амурская правда», «Амурский комсомолец», «Амурская газета», «Восьмой этаж», «Русский берег», «Молодой дальневосточник» и др.), печатался в журналах и альманахах «Дальний Восток», «Литературный Владивосток», «Приамурье моё», «Рубеж».

И. является одним из самых талантливых и оригинальных дальневост. прозаиков, однако его произведения практически неизвестны широкой читательской аудитории, почти не оценены исследователями. Воспоминаний об И. немного, наиболее полные принадлежат другу и критику А.М. Лобычеву, который, повествуя о знакомстве с писателем, о редких, но всегда запоминающихся встречах, отмечает, что И. был человеком не очень скорым на открытое братание и общение: «Рослый, с крепкой чёрной бородкой, красивый поджарой, сухой статью, он всегда держался чуть настороже, с каким-то то ли звериным, то ли охотничьим вниманием наблюдая за людьми и жизненными ситуациями». Характеризуя творческую манеру И., критик выделяет зоркую хищность прозаика, который будто выслеживал в реальной действительности сюжеты своих повестей и рассказов, замечал наиболее характерные и яркие повадки будущих героев, их способность реагировать на жизненные повороты: «Он считывал человеческие судьбы даже по мелким косвенным деталям существования».

В 1977, окончив благовещ. СШ №11, И. поступил в Дальневосточный ун-т на отделение журналистики, но проучился там всего два года. В 1979 он был призван в армию, служил в Приморье и на Камчатке; впечатления военной жизни легли в основу повестей «Выстрел», «Трое суток д/б» и рассказа «Острова». После демобилизации И. поступает в Лит. ин-т им. Горького, обучается на семинаре у А.А. Проханова, однако учёбу вновь оставляет. Вернувшись из Москвы, И. живёт на три города (Благовещенск – Хабаровск – Владивосток), работает корреспондентом разных дальневост. газет, занимается писательской деятельностью.

В начале творческого пути И. пробует себя в малой эпической форме, обращаясь к таким жанрам, как рассказ и повесть. Первый рассказ, «Заячий пастух» (1979), вышел в сборнике «Литературный Владивосток» благодаря редактору Г. Малых, который, заметив начинающего автора, не решаящегося войти в издательство, пригласил его сам. «Заячий пастух» повествует о мечтательном, наивном, парящем во сне с соколом мальчике Зубке. Герой, пытаясь спасти кроликов от цепко-прагматичного отца, погибает в холодной реке. Произведение лирично, пронизано тонкими пейзажными зарисовками, символизирующими свободолюбивую и хрупкую душу ребёнка, его стремление к гармоничному сосуществованию с миром: «Синий хребет, далёкий, манящий. Если б правда было всё так, как мечтается, стал бы... ну хоть не заячьим королём, а просто зайцем или лучше птицей, нет... лучше волком,

